

**Михаил
Крепс**

**Космос,
Петербург,
плечо**

Михаил
Крепс

Космос,
Петербург,
плечо

Бостон, Массачусеттс, США
1995

Michael Kreps
Cosmos, Petersburg, Shoulder
Selected Poems

Copyright © 1995 by Marina Kreps
All rights reserved

ENCOUNTERS
7738 Woodbine Avenue
Philadelphia, PA 19151
USA

Library of Congress Catalog Card Number: 95-61227

*Сборник стихотворений Михаила Кренса
подготовлен к публикации Ильёй Лапиным,
Владимиром Ойцером, Григорием Пятецким.*

*В подготовке издания принимали участие
Рита Аронова, Дина Веньковецкая,
Евгения Павловская, Алла Пастернак,
Мара Фельдман, Борис Хазанов,
Вадим Щеглов.*

*Благодарим всех, кто внёс материальные
пожертвования, сделавшие эту публикацию
возможной.*

О Михаиле Крепсе

С Михаилом Крепсом я познакомился в Бостоне в 1988 году, ближе его узнал в 1993-ем. Он производил впечатление человека, крепко стоящего на ногах, здорового, успешного (к этому времени получил статус постоянного профессора при Бостонском колледже), увлечённого преподаванием и сочинением стихов. Ничто не говорило о затаившейся беде. Ровно через год, в октябре 1994-го, вновь приехав в Бостон, я узнал, что Михаил смертельно болен. Несколько раз мы говорили по телефону, он предложил мне выступить с ним (и Катей Капович) на поэтическом вечере в Бостонском колледже 18 ноября.

Этот вечер был его прощанием с друзьями, читателями, слушателями, последним выходом на люди. Он читал стихи — и на его лице отражалась борьба поэтической страсти со смертельным недугом. Это было похоже на античную драму, и в самом его поступке, — чтении стихов на пороге смерти — было что-то героическое и неправдоподобное, давно утраченное нашим миром.

Перед выступлением он сказал мне, что опять был у врачей — и они не оставили ему никакой надежды. «Зачем они говорят мне это? Здесь так принято.» То была единственная его жалоба, произнесенная вскользь и как бы в скобках. Так же замечательно он держался и в последнем нашем разговоре по телефону, — только голос изменился до неузнаваемости, казался белым, — настолько был обесцвечен и слаб.

Поэты умирают мужественно, как воины, как офицеры. Иногда кажется, что эта отвага перед лицом смерти входит в профессиональный кодекс поэтической чести; и то сказать,

разве поэзия не имеет дело со смертью, не вглядывается, не заговаривает её? Не было бы смерти, — не существовало бы необходимости в стихах.

Скосив глаза на мой американский пиджачок из тёмной шерстяной ткани в мелкую клетку, показав на свой, примерно такой же, он ещё пошутил: «О, мы из одной команды. Петербургская школа.»

Мы и в самом деле — из одной команды. И не потому, что Михаил Крепс родился в Ленинграде в 1940 году, учился на филфаке и преподавал в Герценовском институте (в США он переехал в 1974 году), а потому что в его стихах отчётливо звучит переключка то с Державиным, то с Мандельштамом, то с Вагиновым и Заболоцким. И очень отчётливо — с Бродским, о котором он написал в эмиграции книгу.

Впрочем, не будем педантами, не станем всё сводить к петербургской школе. Михаил Крепс смотрел на вещи шире, и в эмиграции, будучи оторван от родной среды и языка, обращал свои мысли к России, к русской жизни и русской речи:

... Сквозь судьбы, столетья, подушки, бельё
Он трубку поднимет и скажет «алё»,
От речи родной и ночной вдалеке
На общем московском дневном языке.
(«Ночная речь»)

Читавший лекции по русской литературе американским студентам, Михаил Крепс оставался наедине с родной речью в стихах, — он служил ей всю жизнь, и на родине, и в эмиграции, — верой и правдой, и кое-что сделал для неё, как всякий настоящий поэт, и если не все его опыты

одинаково удачны, то всё равно надо быть благодарным за риск, за то, что он пытался найти и находил новые возможности и ходы в волшебном лабиринте русской поэтической речи.

... Прорвёшься в речь, и — дух перехватило,
Так синевой захлёбывается чайка,
В полёте тело превратив в светило,
И кто нам скажет, где припой, где пайка?
(«На красном жеребце»)

Живое чувство в лучших его стихах замечательно сочетается с поэтической изобретательностью, преданность поэзии так сильна, что вымышленный мир становится важнее жизни: впрочем, почему же мир «вымышленный»? «Над вымыслом слезами обольюсь,» — сказал поэт, а что же реальнее слёз в этой жизни? За так называемой словесной игрой у Михаила Крепса нередко в стихах проступает именно эта солёная, горькая, счастливая и трагическая реальность:

... Кто, казалось, мог бы чутче
О самой себе навзрыд? —

спрашивает он в стихотворении о майской грозовой туче
— и отвечает:

Так вот нет же — Тютчев лучше,
Тютчев чутче говорит!

А. Кушнер
декабрь 1994 года

ЯЗЫК ДОЖДЯ

Что сказать нам хочет дождь,
Мы давно не понимаем,
Звукам влажным не внимаем,
Вынимаем макинтош,

Раскрываем на ходу
Зонт, как чёрную преграду
Между облаком и садом,
С небесами не в ладу.

Не сливаясь, но вдвоём
Мы идём с дождём сердитым,
В перевёрнутое сито
Превратившим водоём.

Дождь штрихует горизонт,
Словно школьную тетрадку,
Поливает по порядку
Тротуары и газон.

Нагоняет суету,
И блестят от влажной пыли
Лица и автомобили,
Коневоды на мосту.

Как атлант у мостовой
Держит каменную нишу,
Парусиновую крышу
Я держу над головой.

Дождь стучится в крышу ту,
Бьёт по крупу и по торсу,
Но, что значит это Морзе,
Нам понять не вмоготу.

ПИСАТЕЛЬ, 1956

Ловить бы бабочек, как звонкие слова,
На лёгких девочек смотря тяжёлым взглядом,
Перед читателем заморским — трын-трава,
Не соглядатаем, так хоть бы нимфоглядом.

В отчизне чопорной теперь не до Лолит
И не до бабочек, — а было ли иначе?
Всё стройки, да борьба, да чемоданный быт,
России не до нас и не до фраз тем паче.

Искусство — это ром. А может, это бром?
А может, дом? Прохожих удивляя,
Вот грузный он бежит с двустворчатым пером,
С сачком на палочке камену догоняя.

ПАСХА В БОГАДЕЛЬНЕ

В старушечьем доме покой и уют,
Кузнечики время неслышно куют,
Одна вышивает узор по канве,
Другая видна сквозь дыру в рукаве,
А третья, как колокол в нижнем белье,
От прочих за тысячу лье:

Там мчатся по молниям веток метро
Красивые люди, как в сказках Перро,
Прекрасные встречи у всех впереди
И колокол счастья в груди.

Девицы в вагон белозубой гурьбой
Вбегают, кому из них бабой ягой
Раскладывать в доме дремучем пасьянс?
Одной из двенадцати — шанс.

В пространство — три выхода. Первый — окно,
Метлу оседлать и на самое дно,
Второй — дверь толкнуть, взмах крылами — и фьють,
И зеркало — третий проторенный путь,
С него никому не свернуть.

Гляди, не гляди — ничего впереди,
Надежду, как куклу, ряди, не ряди,
В туманные речи, в бессмертие, в шёлк,
Наставят на резкость и — щёлк!

А впрочем, на шее спасительный крест,
Прозрачная вечность летает окрест,
И где-то есть Бог, сам себе не помог,
Но знает счастливый для всех эпилог,
Он слово и тело оставил в залог,
Плюс в Пасху кулич и творог.

Мужайтесь, старухи, кричите «ура!»
Над крышей есть небо, а в небе — дыра —
Оранжевый вход в ослепительный свет,
Где боли и времени нет.

Звонят над вселенной колокола,
Приветствуя тех, у кого ни кола,
А в небе ракета «Воздух-Земля»
Им шлёт своё звонкое «ля».

Да здравствуют флаги и ветры земли,
Зигзаги отваги и мудрость змеи,
И в зеркале свет, что с тобой до зари
Играет в замри-отомри.

КАМИН В ЯНВАРЕ

Марине

Когда-нибудь, когда-нибудь
Остановлюсь я на бегу,
Отправят глаз в обратный путь
Сорочки стрелы на снегу,
Морозный день над головой
Натянет белое сукно
И вновь оденет в кружевной
Платок окно.

И станет дом на самовар
Похож, когда пускает пар
Дверь чёрной конскою губой
При встрече с ветром и тобой,
И будет зеркалом луна
На миг отражена.

И вызовет в печном окне
Поленьев праздничный салют
Твой голос, тени на стене
Два абриса в один сольют,
И, вопреки календарю,
Январь не будет знать конца,
И будет жечь глагол «люблю»
Сердца.

Мы будем думать, что иных
Зим в мире не было и нет,
И гирьки ходиков стенных
Скользнут неслышно на паркет,
И впишет в форточный квадрат
Кошачье блюдечко луны
Январь, и свет заплещет над
Лицом жены.

Мы будем слышать по утрам,
Как воздух режет самолёт,
Как оставляет в небе шрам
Его игрушечный полёт,
Естественный будильник наш,
Летящий в дальнюю страну,
Где стынет в пальцах карандаш,
Где я живу.

Здесь свет — не ты, и снег — не ты,
Но город в этом не виню,
Блестят наждачные листы
Опустошённых авеню,
Бросает красный блик камин
На скатерть — мол, ещё горю,
И на нерусский стук — «come in»
Я говорю.

Соседка входит. Что-то пьёт
Со мной. Играет в пустяки.
А между рам сквозняк поёт
Надёжным стёклам вопреки.
Содружества пример простой
Камина с памятью пустой
Понятней январю.
Рисуют стрелки час шестой,
Стучится утро на постой,
Но ночи я теперь «постой»
Не говорю.

СТИХОТВОРЕНИЕ В ГОЛУБЫХ ДЖИНСАХ

Американские мальчики
В голубых джинсах,
Американские девочки
В голубых джинсах,
Пиво из горлышка
В голубых джинсах,
Закуски на зубочистках
В голубых джинсах.

Смелая улыбка
В голубых джинсах,
Золотая рыбка
В голубых джинсах,
Месяц над Нью-Йорком
В голубых джинсах —
Лимонная корка
В голубых джинсах.

Праздничная ракета
В голубых джинсах.
Общая сигарета
В голубых джинсах,
Быть или не быть? —
Вопрос без ответа...
Нью-Йоркское лето
В голубых джинсах.

ОСЕННИЙ РЕЧИТАТИВ

Верблюду одногорбый на спичечном коробке
Качается гордо и шествует належке
Сквозь дым сигаретный к чернильнице голубой,
Давно безответной, с расколотою губой.

А рядом с чернильницей — распахнутое окно
С видом на осень и золотое руно
Дубов приасфальтных, где шествует належке
Транзитная девочка с бутербродом в руке.

Отходит автобус, опрастывая синеву,
И голубь выходит с огрызком на randevу,
Что девушка бросила, поднимаясь туда,
Где, видимо, несовместны еда и езда.

Жилец аккуратный у лестницы выколачивает ковер,
И пыль из-под палки выкатывается на простор
Узнать, вылетая из насиженного гнезда,
Сладка ли свобода, добытая без труда.

Суровая дворничиха со шлангом в руке
Смывает окурки, украсившие под аплике
Решётку в асфальте, куда уносит вода
Конфетные фантики, не оставляя следа.

А пасынок дворничихи, покачивая ногой,
Изобретает песенку, расчёску покрыв фольгой,
Но со скамейки автобусной сгоняет его инвалид,
И будущий Вольфганг, ретируясь, его про себя материт.

Пальто инвалида полощется на ветру,
И робкая дамочка сумочку жмёт к бедру,
Глаза поднимая, наподобие чайных блюдц
Собак Андерсена, и я для неё верблюдо.

Расчёска, жилец, пассажирка, герой труда —
Влетевшая с пылью в стихи законная ерунда,
И город — всего лишь случайный набор примет,
В котором от взоров чужих себя скрыл поэт.

Поэт для людей — это вид из его окна,
Отлитый в слова, а видна его голова
В окне, или нет — неважно почти никому.
И в первую очередь ему самому.

И значит, что осень — лишь жизнь, уходящая налегке,
Жилец — лишь фамилия на его звонке,
Поэт — лишь мелодия, коснувшаяся зрачка,
Расчёска — лишь музыка, летящая в облака.

И значит, не нужно ничьих потрясать основ,
И судеб вершить, чтобы лучших касаться слов
И красок осенних, и собирать в голове
Мысли, разбросанные как жёлуди на траве.

Не надо ничьих похвал, чтобы, высунувшись на треть,
Слегка шевелить губами и из окна смотреть,
Как осень с глазами цвета морской воды
Уходит из города, замечая следы

НАШИ ИМЕНА

В глубине холодных комнат
Опустевшего музея
Бродят грустные кентавры
По паркетным мостовым.

А со стен глядят герои
Из двенадцатого года
На святых и на вакханок
В полупрофиль и анфас.

Иногда проходит мимо
Фрейлина или принцесса
И нашивки на мундирах
Начинают золотеть.

И стареющий фельдмаршал,
Положив ладонь на шпагу,
Смотрит на шуршащий бархат,
Вспоминая дым побед.

Радостные живописцы,
Умирающим искусством
Победившие столетья,
Где же ваши имена?

Наши имена — мундиры,
Складки на атласном платье,
Зайчик на эфесе шпаги,
Живость взоров, дым побед.

ЗОЛОТОЙ СЕЗОН

Золотой сезон бродячих машин
Наступил. Сезон шебуршанья шин
По горящей листве. Мчатъ туда сезон,
Куда позже будет мчатъ не резон.

Знай себе лети, жми на педаль,
Превращая в близь то, что было «даль»,
Пусть сирены воют чище волков,
Завернул за угол и был таков.

Небоскрёбов ножницы синюю жечь
Режут, где летает волчья шерсть
Облаков стремительных, как наша судьба
И язык с потерянным словом «ходьба».

Главное в езде — не подставить бок
В те поры, когда, зазевавшись, Бог
Штору задёрнет на голубом окне
И дыры в сукне станут ярче вдвойне.

За двойную скорость себя не суди,
Не гляди на то, что уже позади.
Обгоняя время, бери города,
Исчезая в будущем почти без следа.

Деревья-панки в аллеях шумят,
Бок небосвода закатом смят.
Мимо листопада лети сквозь судьбу
С ладонью тополя у «Тойоты» на лбу.

ГЛЯДЯЩИЕ ГОРОДА

Хорошо бы жить одновременно в двух городах,
Говорить на родном и на другом языке,
И в воде разных лет своё отражение узнавать,
Одинаково верное и неверное себе.

Научиться бы путать улицы и тупики,
Имена знаменитых всадников на вечнозелёных конях,
И листать страницы, где вечноюные старики
Говорят (почему-то в рифму) о невесёлых твоих делах.

Хорошо бы одновременно вдыхать
Воздух родины и другой стороны,
Одинаково сладкий, и понимать,
Что любая свобода есть акт вины
Перед ближним.

Хорошо бы одновременно входить
В реку времени, где «лежу» и «бегу»
Неразлучны, как города, глядящие из воды
На свои отражения на берегу.

ПЧЕЛА

Из тесной трубочки цветка
С добычей пятится пчела
С улыбкою у хоботка,
С мохнатой думой у чела.

Не сосчитать пчелиных лет,
Да и какое дело нам,
Не отличившим пустоцвет
От чаши маленьким богам.

Мы, чудом не удивлены,
Природу пробуем на вкус,
Сосуды топчем без вины
И убиваем за укус.

А ты летишь легка, легка,
Сестра цветка и ветерка,
Опустошённая душа,
В крылатом воздухе шурша

ТРАЕКТОРИЯ

Ах, зачем нам входить в горящие города,
Похищать чужеземок, рассматривать хитроумные чертежи?
Время выдуманно длинным, как свет карманного фонаря —
Голубая воронка, поляя изнутри.

Города и сердца завоёвываются из чрева коня,
Не прельстить иноземок иноходью журчащих строк.
Я лишь место и время, в которое поместили меня,
Сам себе фундамент и сам себе потолок.

То избышка на курьих ножках, то — небоскрёб,
Захочу и в окно влечу, а не то, так вылечу и в трубу,
То мудрец-звездочёт, упирающий в небо лоб,
То бродяга-философ, прогуливающийся в саду.

Не бывает ни время, ни место ни лихим, ни глухим.
Пышнохвостое существо ловит орех на лету.
Траектория сделана из того же, что Элохим —
Конец и начало, соединяющие пустоту.

ДЕРЕВЕНСКИЙ КОЛОДЕЦ

К ночному колодцу пошел за живой водой.
Взял в руки ведро, но мерцающею слюдой
Овала на лунной воде остановлен был.
Я поднял глаза и за чем я пришел — забыл:

Мерцают созвездия, и над головой видна
Луна, как дно эмалированного ведра,
Застрявшего в воздухе, которое Кто-то в наш
Колодец спускает, но то ли на местных Даш
Нечаянно засмотрелся, то ли задумался ни о чём,
А может, стоит, подперев небосвод плечом,
Глазами к галактикам прокладывая Млечный путь,
А может, хотел бы нашей воды зачерпнуть,
Узнать настоящую цену добра и зла...
Наверно, хотел бы, да, видимо, цепь мала.

ЗИМНИЙ РЕЧИТАТИВ

Погребаем эпоху великих надежд и металлолома,
Разлетаются годы по ветру, как солнечная солома
Поздней осенью, что давно бродила без дела —
Всё хотела что-то исправить,
Да зима подоспела.

Запах мокрого снега и лёд в голубом овале
Мне напомнят тот год,
Где на сеновале сновали
Летние бабочки, разводя, когда свет был узок,
Широкими рукавами
Крепдешиновых блузок.

Вспомним жёлтый газон и потускневшие астры,
Пригородный автобус в припадке осенней астмы,
Видя тот же ландшафт,
Мы мечтали о беспредельном,
Как восторженный мальчик
На коне карусельном.

В ветровое стекло терпеливо стучат снежинки,
И парит над эпохой молодой сумасшедший Нижинский,
Над эпохой, в которой горят маяки
И предсказывается погода
Для страны величайшей реки
С пятилеткой в четыре года.

Воспеваемо будь время нашей с эпохой невестречи
Языком мертвецов, сохраняющих дар рифмованной речи,
И военными красками
Неизвестных земных живописцев,
Что исчезли под касками
И не числятся в списках.

В старом парке статуи плачут налипшим снегом,
Мы летим за годами и за бессмертием следом,
Чтобы выиграть время, нам истин больше не надо —
Слишком долгод путь
От шока до шоколада.

Пусть эпоха труда юркнет в вечность мышкой-норушкой,
Пусть горит над Россией звезда, как ёлочная игрушка,
На которую смотрят порой влюблённые, а порою дети,
Бесполезно-красивая, как чужая весна на примете.

Пусть сосуд наш пустует, но мерцает огонь в сосуде,
Отдадим же должное выпитому и порожней посуде,
Всем потерянными дням, истраченным на полюдые,
Нас влекло одиночество, но страшило безлюдье.

А наступит солнце, поедем туда (напасти
Позабыв), где Самсон фонтан изрыгает у льва из пасти,
Где ничья территория,
Где История круг завершает,
И где девушки, вторя ей,
Почти всё разрешают.

По пустынным аллеям пройдем неслышно, шадя округу,
И под небом расстелим подстилку и ляжем лицом друг к другу,
Если будем вдвоём,
Нам не нужно ничьё доверье,
И легки на подъём
Наши мысли, как птичьи перья.

Пусть нас будит утренний звон молочных бутылок.
Не солдат, а их пусть выстраивают в затылок,
Не солдатам, а им пусть внимательно смотрят в спины
Прирождённые стражи порядка и дисциплины.

А пока разбивается тишина зимы
Звуком колющегося полена,
В речке дремлют сомы,
У балкона клёна лаокоон стоит в снегу по колено,
Время мирно играет с людьми и с покойниками
В кошки-мышки и в прятки,
И стоящие у подоконника
Утверждают, что всё в порядке.

ОВАЛ

Время проходит сквозь нас, оставляя нас позади, —
Не зацепиться когтем, ни ласточкиным крылом
За прозрачного спутника, а кричать «погоди» —
Всё равно, что овал рисовать на воде углём.

Но рисуем, в то время как тишина, обнажив шаги,
Забирается в слух и камушком, холодна,
Чертит в светлом воздухе расходящиеся круги
От минуты, канувшей, но не достигшей дна.

Отразит ли полет круговая река времён?
Проходящий весом, но поступь его легка,
Как узор кружевной слетающих с языка имён
По колено стоящего в вечности мыслящего тростника.

В мире всякий объект — часы, но неровен ход,
Только в выборе точки отсчёта мы и волны.
Проходя через нас, удаляется пешеход,
Но овал возвращается на колесе волны.

МЕДУЗА

Жизни фонарик, светящийся в чёрной воде,
Что ты расскажешь и чем о случайной судьбе
Перед нестрогим Творцом на нестрашном суде?

Весь — воплощенье заветных французских свобод,
Зонтик и колокол, облако и небосвод,
Есть ли в твоём лексиконе «назад» и «вперёд»?

Бьётся ль греховная мысль в лиловатом стекле
К звёздам прижаться, оставить свой след на скале,
Баб-эль-Мандеб переплыть или хоть Па-де-Кале?

Музыка моря, неслышная миру пока,
Бьётся ли в маленький колокол без языка,
Жаждет ли выразить свет, синеву, облака?

Звучность и вечность мечтами равняя в правах,
В сердце с надеждой на речь, со звездой в головах,
Часто ли мыслью томишься — я порох иль прах?

Хрупкий, живой, безупречный стеклянный цветок,
Если ты поискам голоса чужд и дорог,
Богу зачем ты? Вернее, зачем тебе Бог?

БАБОЧКА И САМОЛЁТ

Ветер бродит по газонам в голубых носках,
Лают собаки в утренней голове,
В парке охра бабочки ярче мазка
Живописца, охотящегося за ней.

Ты поднимешь глаза, чтобы крикнуть ей вслед: «замри!»,
Но увидишь, как чертит серебряный карандаш
На витрине Творца огромную цифру три.
Что бы значить могла самолётная эта блажь?

Разве можно сравнить эту стройность негнущегося крыла
С легкомысленной плотью, которой во всём — предел?
Без Икаровой страсти и риску: «была не была!» —
И Дедал, может быть, оказался бы не у дел.

Алюминий намного труднее пустить в полёт,
Чем по слову заставить порхать акварели дня.
Забирай свою лёгкую охру, Вездесущий Пилот!
Самолёт, сделай знак бесконечности для меня!

ЧЁРНО-БЕЛЫЙ ЯНВАРЬ

Бьётся сердце под каждым январским пальто.
Под девичьим в особенности. Не то,
Что случилось, влечёт, а что будет. В авто
Граф сажает графиню, но это в романе
О заморских страстях, а у нас на экране
Чёрно-белой зимы в городской панораме
Мчит общественный транспорт туда и сюда,
Утекает под мост ледяная вода
И любовь, как одним романтичным французом
Было тонко замечено; женщина с пузом
Неизвестно откуда, верней, от кого,
Бьётся с ветром стальным и с судьбой — кто-кого,
Чья-то тёща влечёт шерстяного бутуза
От стихии закутанного по рога
И глаза в детский сад. Костяная нога
В гастрономную очередь в ступе несётся,
А под ватным пальто сердце девичье бьётся.

А поэт? Что же делает нынче поэт?
Описанием занят январских примет?
Или силится дать однозначный ответ
На загадки судьбы, мирозданья и веры?
Или снова ругает железный свой век?
Иль в иную обитель задумал побег?
Или смотрит в окно, как на улицах снег
Чистят грузные женщины в ватниках серых?

SILENTIUM

Ложью мысли в непогоду
Изречённой удручён,
Я бутылку бросил в воду,
Не желая быть прочтён.

Пусть слова живут отныне
Во стеклянном во дому,
Не услышанные и не
Сказанные никому.

Обольщенья, обещанья,
Вам ли годы воскресить?
По ту сторону прощанья
Нам прощенья не просить.

По ту сторону молчанья
Не услышать нам прибой.
Что ж, счастливого качанья
По пучине мировой!

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ БЕЗ СТАРОГО ДРУГА

Не сбывается мудрость народных пословиц-старух —
Старый друг оказался не лучше новых двух —
В понедельник из зимнего города, не прощаясь,
Прямо в память ушёл, натянув меховой треух.

И теперь его в сердце нет и в городе нет,
От него не остался ни портрет, ни сонет,
Лишь забытая посреди забытого разговора
Недокуренная пачка отечественных сигарет.

Да ещё эта зимняя улица, где прохожих слышны шаги,
И ворчанье из третьего номера полусумасшедшей карги,
И где утром на свежем снегу оставляют отметины
Портового грузчика кованые сапоги,

Где невесты из гипса, устав от дневных смотрин,
Отдыхают от взглядов в ночной глубине витрин,
И горит на морозе фонарь, как из ёлочного подарка
В бумажку завёрнутый сталинский мандарин.

Возвращаясь с работы, посасывая драже,
Он входил в свою комнату на шестом этаже,
И в глаза со стола бросалась невымытая посуда
И дивана-кровати измятое неглиже.

И январь открывал глазам свой белый букварь
Незашторенных окон, и шерстяная тварь —
Жёлтый кот возникал у галоши и тёрся о брючину,
Втихаря к хозяину подкрадываясь, как тихарь.

На ореховой тумбочке виднелся макет моста
Через реку в том городе, где жизнь казалась проста,
И куда возили автобусы пионеров
Посмотреть вблизи на ленинские места.

И висел на стене в запылённом стекле овал
С фотографией той, которую целовал,
И дарил у витрины винного магазина
Купленные у грузина, завёрнутые в целлофан.

А при входе на общую кухню туман застилал очки,
И соседка платок подносила к лицу — апчхи! —
А соседкин сынок-лоботряс показывал с энтузиазмом
У приятелей в школе свежевыменянные значки.

Он ушёл и унёс свою улицу в январе,
Своё имя+имя= на коре,
Свои письма и книги, друзей и соседей,
Свой овал от монетки на ледяном букваре.

Без него в старом теле, покрытом двойной корой,
Бьётся хрипкое сердце курантов, отзванивая второй,
И дрожа древесиной, стоит на углу осина
И отмахивается от ветра коричневою рукой.

Нашей жизни законы предельно прямые и простые —
Мы возводим мосты, а потом сжигаем мосты,
Ищем новых друзей, а для старых друзей находим
В исчезающей памяти только нолики да кресты.

НА ЛЮБЫХ ПАЛЬЦАХ

Бабочка оставляет пыльцу на любых пальцах.
Праздник полёта приветствует праздность жизни.
И на каких её вечность вышила пяльцах?
Что ей сказать своей гусеничной отчизне?

Был бы ей голос — и горло витиевато
Трель выводило о лёгких, как воздух, чувствах.
Бабочка, бабочка, разве ты виновата,
Что попадаешь так часто в сачок искусства?

Пусть безыскусен мир и без искусства время,
И прорастают цветы из отверстий касок,
Но не проникнешь в булавочное твоё темя,
А оставлять пыльцу — не напасёшься красок.

СКВОРЕЧНИК

Скворец зовет в свое гнездо
На колоколе ноты «до»,
Вращает дерево земля
На колоколе ноты «ля»,

Скворец вращается с землей,
С древесной музыкой, со мной,
Заглядывающим в круглый вход,
Заглатывающий небосвод.

Беспечной жизни коробок,
Вчерашней музыки гробок,
Квадратный праздник на гвозде,
Мигающий двойной звездой.

Скворец не думает о том,
Зачем ему построен дом,
Зачем приказано: «лети!» —
Была бы музыка в груди.

В пути, в полете и в раю
Мы ищем музыку свою,
Чужие пусть вокруг поля —
Была бы музыка своя.

И большей не найти вины —
Бежать от музыки-тюрьмы,
Бежать от голоса ночей,
Прикрывшись кличкой «ничей».

Но дом, что с музыкой знаком,
Молчит под звёздным потолком
С открытой черною дырой
Немузыкальною порой.

КУЗНЕЧИК

Один на один со стихией жизни
Кузнечик хлопочет в своей отчизне
Коленчатых трав и цветочных чашек —
Зеленый солдатик — то Швейк, то Гашек.

А мир — то война, то сплошная шутка,
И Швейку смешно, а Гашеку жутко,
И каждый глядит из травы неотважно,
И только вдвоём им почти не страшно.

Вот так и хлопочет весь день кузнечик —
Стрекочет и строчит двойной человек,
Укрывшись от глаз кровожадных пташек
В зелёном тылу, полу-Швейк, полу-Гашек.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я вернусь туда, где жевал пельмень,
Где над чаем плыл голубой пэл-мэл,
И кошачью лесенку на твоём этаже
Превращу я в песенку, е.б.ж.*

И раздастся снова и чмок и чок,
И найдёт свою Золушку башмачок,
А потом новоявленный граф Толстой
На проклятый вопрос даст ответ простой.

Пусть крылатые мурки на сумеречном мосту
Стерегут словно урки уличную пустоту,
И опять рыбьим жиром горит канал,
Куда Пушкин и прочие окунал.

Я с луной возле клумбы глотну лишка
Перед домом, где глобус а la башка,
И Барклай без фуражки махнёт рукой
И не будет спрашивать, кто такой.

*Если буду жив. Сокращение из дневника Льва Толстого.

АНТРАКТ

В зрительном зале живут лишь одни глаза.
Шелест осенних программ — комнатный листопад —
Вновь превращает разбуженный зал в вокзал
После падения занавеса —

Люди спешат невпопад
Броуновским движением в театральные буфет,
Модницы на ходу проверяют эффект
Платьев и кофточек на окружающую среду,
Крутят мужчины шеями с галстуками не в ладу.

Вот и искомая очередь, влекомая тягой в буфет —
Символ движения к цели. Девушки, слетавшие в туалет,
Пахнут духами и пудрой и взгляд с полувзгляда поймут,
В розовых пальцах сжимая бинокля глазастого перламутр.

Приятно двигаться к цели в окружении разгоряченных лиц,
Не думая о коварстве времени, играющего с лицами в блиц.
Радуюсь равному шансу на взгляд кокетливый или косой,
Равному праву на стакан лимонада, на бутерброд с колбасой.

ПАМЯТЬ О ЛЕБЕДЕ

Марине

Облака, словно птицы, знак памяти над водой
Без конца повторяют, и Леда, укрытая пледом,
Вспоминает тот день, по векам разнесённый молвой,
Поместивший её навсегда между сплетней и небом.

С циферблатом на ты, всем пяти континентам сестра,
Неизменная в вечно меняющемся облики мире,
Настороженным утром, в голландской купели Петра,
Тет-а-тет с неразгаданной тайной в случайной квартире,

Где в отличие от памятной ключ обернулся замком,
Трепет бархатной плоти — молочным мазком Тинторетто...
Что за странная прихоть, уж лучше б пришёл мужиком,
А теперь память тает, и не на что опереться —

То ли был, то ли нет... Никогда не устанут мечтать
О любви неземной наши Леды, Европы, Данаи...
Снизойди хоть на час золотая на них благодать,
Хоть на миг ослепи белоснежная слава дурная.

НОЧЬ

Что нам и петь, как не эту ночь?
«Время прочь и пространство прочь.»
То, что подскажет Урана дочь,
Глаз отразит точь-в-точь.

Проводом пробежит скворец,
Облаком пролетит Творец,
В синь панорамы вобьёт торец
Царствующий дворец.

Пусть не сойдёмся на этот мол,
Как предсказал нам поэт-щегол,
Всё же сулит золотой прикол
Шпиль, хоть в правах — прокол.

Воздух светлей, чем экран в кино,
Ветки тасуют звёзд домино,
Ветер качает осин руно,
Треплет углы панно.

Здесь нас пространство поймало в сеть,
Здесь научились любить, гореть,
Греть, не разменивать время петь
На автоматов медь.

Вновь желтоглаза не спит Нева,
Волны черны и луна нова,
Башня воде говорит «са ва»,
Светятся острова.

Мраморных статуй глаза пусты,
Спрятали белки хвосты в кусты,
Пары расходятся и мосты,
Как на ветру листы.

Песня имеет форму дуги,
Речи родной паруса туги,
Звук нас вернет на свои круги,
Но не подать руки.

Значит, не время нам вместе быть.
Тает в глазах горизонта нить.
Тем, кому выпало петь и плыть,
Стыдно судьбу винить.

ПТИЧКА

Ю. М.

Летучей тенью океан даря,
Закон вещей земных опровергая,
В сиреневой оправе сентября
Резвится знак обещанного рая,
В воздушной и морской волне паря,
Зрачком чужим, как мячиком, играя.
А наши тени рядом босиком
Проходят влажным медленным песком
В тот край, что только верою взыском,
Преград и тел нисколько не стесняясь,
И пятка вновь сливается с носком,
Водю океанской наполняясь.
Для тени нет ни времени, ни стран,
И птичка, как оптический обман,
То обретая форму, то теряя,
Сшивает небосвод и океан,
Шов горизонта ровный оставляя,
Собой то нитку, то иглу являя.

ШЕРРИ-БРЕНДИ

Марине

На двадцатом перегоне
Давних мыслей налету
Резать воздух ленинградский
Твёрдым Клодтовским конем.
Отражает зайчик солнца
Золочёная игла,
И орёл двуглавый клёкот
В двух гортанях затаил.

Пучеглазый император
Двести с гаком лет назад
В бойких пальцах мучил циркуль
С непростым, мин херц, клеймом,
Чтобы я стоял на стыке
Двух асфальтовых зеркал
И пускал по ветру белый
Дым заморских папирос.

Снег, как манна для евреев,
Медлит падать на асфальт,
Вкруг да около кружится —
Предлагает ртом ловить,
И звучит в искре трамвайной
То ли ангел, то ли альт,
Но откуда взяться альту
Между двух календарей?

Сколько тысяч выражений
Насчитала морда льва,
На сыром лепном бордюре
Улыбаясь третий век,
Прежде, чем возникло слово,
Появилась голова,
Чью скрывает форму шляпой
Петербургский человек.

Несомненно право ветра
С фетром спорить налету.
Кто стоял под ветром фетром?
Кто затеял маяту?
Броневик заморским Бертам
Доказал ли правоту?

Одиночество страшнее
Неоплаченных обид,
В гаражи спешат машины,
Норовят трамваи в парк,
А на площади вокзальной
Всем известный индивид
Ловит вытянутой дланью
Проходящее такси.

Одиночество страшнее
Заколоченных дверей,
В заколоченные двери
Можно голубя пустить,
Голубь крыльями раздвинет
Голубую пустоту,
Но звонок знакомых пальцев
Не сумеет распознать.

Звук причине не помеха,
Звук причине — поцелуй
В том краю, где вместо эха
То колонна, то окно.
Сколько лет, как удалились
Мы под сень заморских струй,
Но затверженную пряжу
Всё прядет веретено.

Кто-то грохнул оземь банку —
Вытекает майонез,
Чудеса телекинеза
Наблюдает птичий глаз.
Воробью добра не жалко,
Воробьиный мир велик,
В граде, где героев книжных
Принимают за живых.

Вот идет с коньками Кити,
С топором спешит студент,
Бледноватая подруга
Тащит Ольгу в гастроном,
Получила здесь квартиру,
Будет век ему верна,
Штольц показывает другу
Заграничный кинофильм.

Пусть история проходит,
Словно девочка в метро,
Пусть Венера с Марсом спорит
То ли эту, то ли ту,
Их как варожек цветастых
На катке в ЦПКО,
А слезам Москва не верит —
Слёзы — это H_2O .

Дремлют Чехов и Шульженко
В материнской голове —
Романтические бредни
Девяностых и стальных,
Как сказал другой географ
Площадей и мостовых,
Жизнь — лишь бренди, шерри-бренди,
Значит знал он в жизни толк.

Снег справляет новоселье
На погасшем цинке крыш,
Кот крадётся, мягкой лапой
Оставляя круглый след,
Над его спиной сияют
Разноцветные шары,
Удалённые пространством
До игольного ушка.

Петербург в созвездье Девы
И Москва в руке Творца
С Мавзолеем и ночными
Девочками у метро
Уплывают в космос. Дети
Второпах зовут Отца.
На рассвете в мнимой сети
Глобус вертится хитро.

ЛЕВЕНГУКИ

Давайте обменяемся именами и эпизодами детства,
Мыльными пузырями юности, вылетающими из ломких соломин,
Ветренными подругами и уверенными друзьями,
Золочёными шишками на ветвях новогодних ёлок.

Давайте обменяемся велосипедными номерами,
Задававшими тон лирической панораме,
С впереди сидящей ундиной на раме,
Ещё не отдавшей должное ленкорани.

Воскресим июльский мокрый асфальт, трамвайные трели,
Лужи в живых цветах неоновой акварели,
Голоса, наполнявшие на углу стеклянную будку,
Даря маршрут совместной прогулки, как незабудку.

Свидания телефонные, обещания, губы, звуки —
Реквизит нехитрой любовной науки,
Оплели нам невидимой паутиной руки
И глаза. Где вы, бывшие левенгуки?

Нам удастся ль увидеть вчерашних нас, вокруг ещё не стоящих,
Но из будущих состояний уже состоящих,
Ещё мало стоящих, но уже таящих
Секрет золочёных шишек и настоящих.

Нам удастся ль поднять глаза, ещё не раненые чужими словами,
На эмалевый циферблат, пролетающий над бывшими головами,
И на нас, не знавших, что мы и есть стрелки,
Кто секундная, а кто часовая.

ТЫ В ПЛАТЬЕ ИЗ ИЮЛЬСКОГО ДОЖДЯ

Марине

Ты в платье из июльского дождя
В тот вечер мне казалась совершенством,
На южном пляже в воду заходя
И в наше прошлое, ко мне спиной
И к океану тем, что я с блаженством
И женственностью рифмовал, виной
Тому была небесная вода,
Которая с земной сливаясь, вечный
Круговорот воды осуществляла
В природе и круговорот любви,
Всех бывших до тебя соединяя
С тобой, всех бывших до меня — со мной,
И было тело Богом и волной.

И было тело Богом и волной,
И я, ещё не зная тайны слова
И тайны тела женского, чужого,
Стараясь сократить водораздел,
Разъединявший нас и в то же время
Соединявший, понял смысл иной
Любви — не чувства, но первоосновы,
Первопричины притяженья тел
Небесных и земных, как бы по кругу
Идущих вместе: не тебя ко мне
И не меня к тебе, а нас друг к другу

Влекущего. Без звука, без лица
Разлитая в немой первоприроде,
В людских зрачках и в водных зеркалах,
В огне и в пепле, при любой погоде
Любовь как мы — подобие кольца
И Бога — без начала и конца.

ПО ВРЕМЕНИ ПРОШЕДШЕМУ БЛУЖДАТЬ

По времени прошедшему блуждать,
Тасуя аккуратные квадраты
С твоим лицом на фоне разных улиц
И разных лиц, и тайно проникать
В чужие стены, даты, города,
Уже под общим титулом «когда-то»
Живущие в сегодняшнем, что завтра
Само «когда-то» станет. Пачка снимков —
Наглядное пособие того,
Что время с нами делает, что мы
С ним делаем. И чем живём мы дольше,
Тем делается дальше расстоянье
Меж нами в данный миг и нами теми.

Но было б хуже, если б ни зимы,
Ни комнаты, ни предрассветной тени
Ресниц на книге, ни окна с луной,
Ни вечера на пляже не со мной
Нам было бы у времени не вырвать.
Не вызывает ревности «ничто»,
Ни грусти, ни улыбки. Лучше снимка
Быть может только дикая мечта,
Чтоб прежде превращенья в невидимку
Жил человек, застыв во цвете лет,
А изменялся лишь его портрет.

МЕЧТЫ ПРОЛЕТАЮТ КАК ОБЛАКА

Мечты пролетают как облака
(Уподобление мозга и неба),
Нарядный от шляпы до каблука
Воскресный прохожий кивает такому же
Прохожему, комплексом двойника
Болеют витрины, где люди, похожие
На тех, что стоят перед ними, слегка
Кивают и смотрят на них свысока.
Очки поправляет стоящему в зеркале
Стоящий у зеркала, гладит рука
Морщины у лба, волоски у виска.

И той же болезнью болеет река,
Где солнце качается и облака
(Что пролетают как мысли), рука
Слегка поправляет стоящему в зеркале
Очки, их случайная связь глубока,
Как мир зазеркальный, как эта река;
Прохожий, люби своего двойника —
Другого себя, отражённого в зеркале
Витрины, картины, чужого зрачка.
Не как самого, но хотя бы слегка,
Как ближнего любят — издалека.

12 ноября 1989 г.

ЛЕТНИЙ РЕЧИТАТИВ

В восточной части площади, где тянется рукав
К ларьку, куда народная не зарастёт тропа,
К невыспавшейся очереди примкну увидеть, как
Танцуют в кружке пива этажи и облака.

Я солнечную мелочь уроню на парапет,
Я сдую с кружки облако — ни дать, ни взять Эол,
С горгонами-медузами устрою тет-а-тет —
Страшнее взглядов каменных словесный производ.

К чужим словам прислушиваясь, с душою налегке
Петропольские жители летят на шум и гам,
Их ангелы не хватятся в прекрасном далеке,
А здесь сады и площади зовут по именам.

Летят к подкове каменной, где мост через канал —
Крылатых кошек лежбище, приют влюблённых дур —
Нашёптывают некогда волшебные слова,
А нынче в спячке каменной лежат и ни мур-мур.

И к циферблату старому, по коему сердца
Сверяли и встречали переменчивых харит,
Где стрелками портной, не открывающий лица,
Как ножницами, чудные мгновения кроит.

Капризна память пристаней и проходных дворов,
Как песню не насвистывай — не повторят мотив,
Себя ж приносят памяти взамен святых даров
Подарком при рождении, волхвов опередив.

И окна полумглистые воды набрали в рот —
Молчат о взглядах пристальных и кружеве карет,
О пальцах любознательных пытающихся от
Тугого тела бального освободить корсет.

Дворцов необитаемых, торцов домов жилых
Прозрачные касаются и горло и рука,
Подъезды, словно взгляды исподлобья, тяжелы,
Легки, как платья бальные, над ними облака.

Через стекло гранёное проглянет циферблат,
До пушечного выстрела осталось пять минут,
«Моей душе, чудовище, поручен ключ и клад, —
Сказал один, — но, видимо, взломать не преминут».

На голос стеклотары откликаются звонки
Трамвайные, и улица имперскую струной
Торопится туда, где двух столетий позвонки,
Другой сказал, что ласточкиной склеивал слюной.

Мы встретимся на набережной, где каблуки легки,
И все благие помыслы летят в тартарары,
Где уличные гули кляччат хлебные пайки
И режут воздух крики перекатной детворы.

Мы встретимся на набережной наперекор Петру,
Коня в пространство дыбящего, где в прятки со зрачком
Невы стекло бутылочное играет на ветру,
Не зная взгляд сверкающий остановить на ком.

Любимцы Аполлона здесь, гулявшие бонтон,
Не знали в поэтической горячке горловой,
Каким глаголом-именем заморозить фронтоны,
Остановить пространство на бумаге гербовой.

На вылинявшие от времени штандарты буквой рцы
Таращит кукла царская стеклянные глаза.
Когда сонаты сыграны и лучшие дворцы
Все, кажется, построены, то что ещё сказать?

ГЛОТОК ЗИМЫ

Вино и белизна врачуют боль.
Зима и снег, зима и алкоголь —
Анестезия выпивки и стужи,
Летит снежок, и мы за ним летим,
Но как-то уж отчаянно следим,
И что теперь внутри, и что снаружи?

Пусть дворники лекарство от зимы —
Песок и соль, как взятое взаймы
У лета, мечут в ледяные блюда:
Я обгоняю их немой конвой —
И мне об лёд не светит головой,
Но иногда приятно подскользнуться.

Я направляюсь к праздничной реке,
Где город в снежной дымке налегке
Уходит от нескромного прицела,
Чуток пространства, времени чуток,
Чуток тепла — всего один глоток,
И в чистый голос превратится тело.

Вино и белизна врачуют боль,
И боль уходит из дизз в бемоль,
И в городскую доремифасоль
Врываются неузнанные звуки,
И голоса убитых и немых
Зовут их жизнь дорассказать за них,
И сквозь решётку дней к словам живых
Протянуты расстрелянные руки.

Куда глаза всевидящий косил,
Когда людей всеслышащий косил,
Поэзии разгадывать не стоит —
Ей этим заниматься толку нет,
И что вчера не докричал поэт,
Допишет завтра вдумчивый историк.

Поэзия политики из пут
Выпутывается, и музы ждут —
Евтерпа, Полигимния, Эрато,
Теперь, когда бесстрашному семь бед
Не угрожают за один ответ,
И злобу дня глотают из газет,
Она опять быть может глуповата.

А жизнь идёт привычным чередом
Из сердца в сердце и из дома в дом,
И ловит воздух бессловесным ртом
В коляске незнакомое нам племя,
Они за нас наговорятся всласть,
И кто кого, и где какая власть,
И кто кому опять пошёл не в масть,
И будут снова сетовать на время.

Раз всё живое оставляет след,
Нам о бессмертье горевать не след —
Игра прекрасней при хорошей мине.
Когда бутылъ становится пуста,
К бессмысленному тянутся уста,
И Бог, как логос, легок на помине.

О, Господи, я у тебя в долгу
За музыку, что слышу на бегу,
За твой завет, который не по силам...
Земная манна тает на губах,
Свистит в ушах вечнозелёный Бах,
И Бахус разливается по жилам.

Прим. редактора: слово «подскользнуться» автор употреблял в смысле «прокатиться с разбегу по ледяной дорожке».

АНТРАКТ (2)

Жизнь, как театр, сложна
И, как театр, блажна,
И, как любое искусство,
Никому не должна,

Кроме того, кто так
Сей миракль или сяк
Создал, распределив
Роли, назвав: спектакль.

В тёплой плотной толпе,
В человечесьей крупе
Проходящему тесно,
Как птенцу в скорлупе.

Кто-то шмыгнул, хитёр,
Кто-то плечом отгёр,
С видом — знай своё место —
Подлетел билетёр.

В креслах братва, мордва,
Застит голов орда
Вид, из заднего ряда
Сцена едва видна

Сидящему позади,
Как головой ни верти,
Всегда голова мешает
Сидящего впереди.

Впрочем, вблизи хлопот
Больше — искусство врёт —
В первых рядах партера
Пудра видна и пот.

Будь, скоморох, остёр!
В образ — как на костёр!
Господу безразлично
Зритель или актёр.

Скажешь, вернуть билет
Лучше, чем зреть балет,
Где притконогим — соло,
Прочим — кордебалет?

Вряд ли. Идёт не в масть
Действо? Игра не всласть?
Всё ж не ропщи — сюда ты
Мог вообще не попасть.

Лебедь ли, голубка,
Что не шадят лобка
В па, похвали — ведь хлопать
Легче, чем ждать хлопка.

Время возьмёт в поход,
Но не введёт в расход,
Тот не платит за выход,
Кто заплатил за вход.

Влагодй, зрачок, круглись!
Дух, отвагодй рулись!
Может, узреть удается
Сцену из-за кулис.

Занавес рвёт контакт
Глаза со сценой? — Акт
Веры, не зря в театре
Время надежд — антракт.

ДЕНЬ

Вот и ещё один день в подарок тебе
С красными лицами, с варежкой на водосточной трубе,
Кем-то посеянной, с улицей скользкой, песком
Посыпанной, день, что иском

Памятью, но по невзрачности ненаходим,
День ничего не случившегося, день-нелюдим,
Не останавливающий взгляда, в заём
Взятый у Бога, но не истраченный, вдвоём

Не проведенный с тобой и ни с кем другим,
День без загадок и «эврика!», день, как гимн,
(Не восхитишься игрой музыкантов, ни
Гением сочинителя), день, как дни

Без содержания, дни-пустышки (звук
Клавиш не воскрешает их), день, как стук
В дверь (неоткрывшуюся), взгляд в упор
На манекен (не отвеченный), беломор,

Выкуренный в темноте, свет
Ночью от точки его, не скажешь нет
Никого, но и не скажешь, кто
Именно, день, как пальто

Швейной фабрики семидесятых годов,
День, как ответ пионера «Всегда готов!»
(Хоть не готов ни к чему, или готов на всё),
День — колесо

Беличье, как ни крутись, всё высь
Там же, где низ, колодец без эха, на «отзовись!»
Молчащий, окурок, к автобусу на бегу
Брошенный, дуга от полёта, дыра в снегу.

ПОТЕРЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Мы точно такие, как нас отражают витрины,
Глядят на нас манекены или мандарины,
Или пустота заполняет квадраты пространства,
Мы точно такие, хвалите нас за постоянство!

Но вот, подошедший к витрине меняет наш облик,
Частично в свой цвет одевая, и девушка лобик
Свой хмурит на нашем лице, и о дивное диво!
Мы стали теперь отражением коллектива.

Уже не найти ни виска моего, ни ключицы
Твоей над сиреневым платьем, и как научиться
Своё отличать от чужих полулиц-полумасок
Лицо, в чехарде выражений, движений и красок?

В нас кто-то взывает, и кто-то стоит на распутье,
И кто-то взрывает, и кто-то железные прутья
Готовит — бить стёкла и бедным раздать мандарины,
Мы только такие, какими нас видят витрины.

И даже когда иногда мы глядим в одиночку
В стекло на себя среди белого дня или ночью,
Мы видим других, и другим улыбаясь сквозь стены
Прозрачные, нас за своих признают манекены.

И тянут навстречу костюмы и стройные руки
Из ярких миров, где они умирают со скуки,
И метит нам лица узорами купли-продажи
Неоновый свет цвета женского трикотажа.

Не лучше ль остаться в тени неопознанным некто,
Скользящим по временным лицам ночного проспекта
И будкам пустым застеклённого светлого рая,
Ничьих номеров телефонных не набирая?

ОДУВАНЧИК

Разве это укоризна?
Не готов я быть любим.
Восприми меня, отчизна,
Лёгким сердцем голубым.

Ты поверишь мне на слово,
Ты полюбишь мой петит,
Жизни символ и основа
Одуванчик полетит.

И кому какое дело,
Если есть ещё дела,
Из какого самострела
И куда летит стрела,

В лёгком воздухе ныряя
Женским почерком нагим,
Свои тайны оставляя
На прочтение другим.

И пока на диком пляже
Нет ни ветра, ни беды,
Он стоит легко на страже
Любознательной воды.

ТВАРИ МОРЯ

Летит, держась за тайный трос,
За альбатросом альбатрос,
Не отвергают братских уз
Живые лампочки медуз,
И чайки счастливы вполне
На моря мятой простыне
Качаться в поисках бычка,
Вращая бусиной зрачка.

Медуза, чайка, альбатрос,
Их жизнь — свобода и хаос,
Возникшая среди пучин
Игрою следствий и причин.

Игривее морских котят
Они летят, куда хотят,
Нырняя у Творца в руке,
Не думая о кулаке.

Не то корабль. Он один,
Капризной влаги господин,
В отличие от граждан вод
В воде не плавает — плывёт.

Содружество случайных воль
Его влечёт стихии вдоль
По карте выверенной впрок
Единственной из всех дорог.

Людского творчества дитя
Плывёт один, приобрета
Привычку, свой маршрут любя,
Рассчитывать лишь на себя.

Ведь Бог, вселенной государь,
В ответе лишь за Божью тварь,
Не обещал нам Элохим
Хранить не созданное им.

Плыви, подвижный астериск,
Поставленный на страх и риск
В тетради моря тем из нас,
Кто верит в вес и ватерпас.

Пусть альбатрос летит во тьму,
Пусть чайка сядет на корму,
Пусть освещают дерзкий груз
Ночные лампочки медуз,

В металл и дерево одет,
Лавируя меж чуд и бед,
Борцом сомнительным слыви
С пучиною, и всё ж плыви!

Среди штормов, среди пловцов
Всегда созданья двух творцов
Видны, то вместе, то одни.
А ты, поэт, кому сродни?

ОСЕННЯЯ МУЗЫКА

Не каждый в этом мире одинок.
Кузнечик-виртуоз, водя смычком колен
По струнам крыльев, извлекает звук
Из скрипочки себя, и звукам в плен
Сдаётся тишина, и в полукруг
Выстраиваются стволы у стен,
И самолёт взлетает по лекалу,
И домосед вздыхает по бокалу,
Листая неподатливый роман,
И вновь следит, как мирный караван
Теней от рам, от вешалки, от шляпы
Проходит жизни теневой этапы,
И Богу благодарен наравне
Со зрителями в доме и вовне.

Но: каждый в этом мире одинок —
По солнечным часам грустит хрусталик,
За мусорным бачком исчез кошачий бок,
Уносят девочку соседскую педали,
Звук истлевает в воздухе пустом,
Кузнечик прячет песню за кустом,
И близкие и блоковские дали
Сливаются в хрусталике пустом.

Но в полночь после долгой спячки
Торшер, как балерина в пачке,
Взлетает, вспыхнув, в антраша,
В зеркальной ножке свет трепещет,
И мир прозревший рукоплещет
От клавиш до карандаша,
Теней неверные верблюды
Бредут, чтобы взглянуть на чудо,
И маятник, лишённый ног,
Наш хронос маленький, домашний,
Сменив на завтрашний вчерашний
День, одевает звуком дважды
Секунду каждую, и каждый
Миг — одиночества урок
И весть, что одинок не каждый.
Кузнечик, музыка — не бог,
Она не утоляет жажды,
Но и, явившись в мир однажды,
Не исчезает...

ЧЕРТОПОЛОХ

В чертополохе — эхо, лопот, речь,
И даже чёрт сидит в чертополохе,
И сполохи, созвучные эпохе,
Которыми эпохе — пренебречь.

Природы генетический курок
Выстреливает из ствола цветок,
Чья вечность кратна выдоху и вдоху,
Чья стойкость, заготовленная впрок,
Наглядный нам преподаёт урок,
Как пережить и урок и эпоху.

ГОРОД В НОВЫЙ ГОД

В России ёлочной игрушкой Петербург
То отражает ночь, то речь, то залп Авроры,
Бенгальские огни, внимательный теург,
Он кружит — головы, снежинки, разговоры.

И птицы на горящую Неву
Без имени слетаются напиться,
Ковчег открыт, но ни одну сову
Не достучаться там, не добудиться.

Средь ленинградских лиц — прохожие одни,
И улицы в долгу у новогодней ночи,
Приманки старые у новой западни,
И только сумерки не кажутся короче.

Петрополь призрачный тасует имена
Среди разбросанных подарков Мельпомены,
И есть ли разница, какие племена
Его в грядущем ждут, какие перемены?

Он весь — мерцание, бахвальство, суета,
В стеклянный полурай звездой стучится кто там?
Ах, город мнительный, гранитная тщета,
Причуда царская, фонарик над болотом.

Наилегчайшая из северных пальмир
Висит на ниточке над удивлённой Летой,
Игрушка хрупкая, вращающая мир,
Не удивляющийся канители этой.

КОГДА В ПУСТЫХ НОЧНЫХ КВАРТИРАХ

Когда в пустых ночных квартирах
Трюмо пугается вещей,
И напевает каватину
В межтрубье истовый кашей,

И полночь мерит сантиметром,
Как любознательный фагот,
И в музыке крыла под ветром
Своих знакомых узнаёт,

Когда в пустых ночных квартирах
Пугают вещи зеркала,
И дети в северных пальмирах
Кричат броневикам «ура»,

Тогда летит к поэту слово
Под рокот жести дождевой,
И обнажается основа
Дрожащей каплей дрожжевой,

И жизнь томится на пределе:
Вся — музыка и вся — испуг,
В полёте, в памяти, в беде ли
С непознаваемым сам-друг.

О, НЕНАРОКОМ ОКО РАНЕНО

О, ненароком око ранено
Рассветным утренником жизни
В пространстве, вновь многогранном
И увеличенном, как в линзе.

В аллеях оставляя прочерки
По клумбам и застрехам птичьим,
Весна округлых почек очерки
Наносит почерком девичьим.

Нарушив снежную симметрию
Зимы, воскресшая окрестность
Наводит светом и безветрием
Фасады и сады на резкость,

И даже в око астигматика
Себя бросает ненароком
Невозмутимых ёлок готика
И взбалмошное лип барокко.

И столько обещаний в щебете
Неумолкаемых пернатых
Глазам дарить свои тебе ещё
Непредставимые пенаты!

О нет, неправда, глаз — не зеркало
Души, он — часть её, он — Вита
Нуова всех живущих около
Вещей, их суть ему открыта.

Когда б в подобном резком фокусе
Нам обнажились все дизайны,
Все замыслы Творца, все фокусы,
Что нам осталось бы от тайны?

ТЫ ПО УЗОРУ РОЗУ, ОПЫТ

Ты по узору розу, опыт,
Узнаешь, но на самом деле
Не лепет скажет и не ропот
Шмеля, не тень, не день недели,

В которой ты найдёшь соцветьем
Ещё не вспыхнувшую завязь,
Мгновенье метя междометьем,
Бутонов будущих касаясь

Зрачком, и всё-же не по цвету
И уж, конечно, не по шипу,
И не по тяготенью к свету,
К расцвету, к дождевому всхлипу,

Поймёшь не по зелёным вздохам,
Не по суставчатым побегам,
Что то, что было ухом, охом,
В грядущем станет богом, бегом.

Что значит там и пот и ропот,
Где беглого достанет взора?
Не по узору розу, опыт,
Узнаешь ты, не по узору.

НЕЖЕН САД, ДА СНЕЖЕН

Нежен сад, да снежен —
Весь в противоречьях,
Снегом подытожен
Счёт опавшей меди,
И в эфире прутья
Чертят буки-веди —
Алфавит прозрачный
Бессловесной речи.

Сколько влажных литер —
Видимо-невидимо!
Кто их производит?
Из какого теста?
На язык приходят
Рифмы «ветер», «Питер»,
Но они, по-видимому,
Из другого текста.

ВЕНЫ

А вен и синева
Небесной одержимей,
О том, что содержимей —
Не тратим и слова.

Волны же синевы
Тут нету и в помине —
Её эпитет — синий —
Лишь выдумка, увы!

Как ранняя весна
Таит под снегом ветку,
Скрывает их расцветку
Покрова белизна,

Обманывая взор,
Но чем он тоньше, летней,
Тем явственней, заметней
Для взора их узор.

Их внутренний девиз
Мудрёнее Декарта,
Вен контурная карта
Вся — ребус и сюрприз.

Каприз? Но в тыщу раз
Их проще хризантема,
В их хаосе — система,
И в их строеньи — глаз

Того, кто не шутя,
Но скрыв природы тайну
От нас, нас не случайно
На свет произведя,

Их создал так, чтоб кровь
Могла по ним струиться,
Упрятав рифму — «лица»,
И обнажив — «любовь».

Тая телесный код,
Вен голубые ветки
Несут в себе отметки:
Кто был, и кто придёт.

Мы чаще о душе,
Чем киник, или стоик
Твердим, но много ль стоит
Словесное клише?

В цене подтекст, намёк,
Загадка, сюр, причуда,
Но то, что вены — чудо,
Кому из нас вдомёк?

А МИШУРА НЕНАРУШИМА

А мишура ненарушима
Как составная часть всего
Того, что трепетно и живо,
Что озорство и торжество.

Лишите жизнь поддельных блёсток,
И обнажится правды суть,
Чей взгляд жесток, чей облик жёсток,
И всем ли ей в глаза взглянуть?

И разве можно пленной ртути
Порыв и блеск в вино вменить?
Ведь всё равно исконной сути
Ни нам, ни ей не изменить.

Сверкай мишурным опереньем,
Переливайся на свету,
Искрись искусственным граненьем,
Пока в охоту, вмоготу!

Пусть истина важней подарка,
Но разве не прекрасней ель,
Когда на ней сверкает ярко
Рождественская канитель?

Мокреть. Европа. Капор. Ветерком
Морщинятся асфальтовые лужи,
Мосты вдали бесцветнее и уже,
Как будто нарисованы мелком.

Мокреть. Европа. Незнакомый Клодт.
Собака. Лепесток. Звенит ключами
Старик у двери — полуоборот
Ключа, и жизнь осталась за плечами.

Европа. Дождевик. Авто. Мокреть
Наносит на машины скользкий глянец
Мелькают краски. Весело смотреть.
Ты — губка. Соглядатай. Иностранец.

Ты непричастен ничему. Открыт
Всему. Закрыт для всех. Не встретит
На улице никто. Не обвинит
И не простит. Не кликнет. Не заметит

Вообще. Мокреть. Мост. Башня вдалеке.
Зонт. Пёс. Бульвар. Прекрасная погода.
Ты от себя и века налегке
Идёшь по лужам. Полная свобода!

Над Невою Овен дан.
Ночь смущает звездочёта
Тайной нечета и чёта,
Ночь страшает пуритан.
Погоняет Буридан
Неразумную ослицу,
Звёзды светят сфинксам в лица,
Над Невою Овен дан.
Над Невою Овен дан.
Небо манит глаз оглядкой —
Чёрной в крапинку подкладкой,
Как раскрытый чемодан.
Месяц вышел на майдан,
Как без точки знак вопроса
На рассыпанное просо
Смотрит искоса и косо,
Желтолиц, как Гоминдан.
Над Невою Овен дан.
За столом сидят бараны.
На столе лежит баран.
Звёзды падают в стаканы,
Капает на кухне кран,
Добывается уран,
Добывается посуда,
Над державой держит Будда
Два Завета и Коран.
Высыпавший, как простуда
На губах, как знак оттуда
Не летит никто откуда,
Над Невою Овен дан.

Зал говору суровоглаз —
Реальной жизни знать не хочет,
Зал говору — сердитый кочет,
Готовый выклевати глаз

Говоруну. А что тому
Отелло, Розенкранц, Джульетта?
Чуть нашей жизни песнь напета,
Нам хочется чужой. К чему?

Два слова скажешь о своём,
Меж кресел пробираясь к цели,
Уж зала хищный клюв нацелен
В тебя, и злобный шип кругом.

Хемницер — бархата храбрец, ин мех
Тебе не по зубам пришёлся —
Мотивом дымчатым глаза придворных всех
Запорошив, по всем прошёлся —

И бархат, и парча, и влюбчивый атлас,
И модниц кружевная стая,
Но выпустил из глаз, навряд ли впопыхах,
Царей опушку — горностая.

Неметафизик мой, пытливый скородум,
О правде говоря, ты дал свободу мысли,
Ты прав — безбрежен дух и ограничен ум,
Но можно быть орлом и промолчать по-лисьи.

СОТЫ

Не мерь век сот в тоске времён,
Пчела! Ты созданному рада?
Тебя пугает вечный сон
Материи? Её распада

Не дожидайся! Не твоя
Об этом горевать забота —
Из тлена созданная сота
Прочна, надёжна, здесь, сия.

И что тому распад, разлёт,
Кому в подарок глаз и голос,
Из хаоса творящий логос
И для потомства сладкий мёд?

АМУРУ (1)

Кинь розой, озорник!
Больнее, чем стрелой,
Когда заденет шип,
Бывает нам порой.

Но всё же не стрела,
И заживает след
Без шрама, без жела-
Ния наделать бед.

Уж лучше розой брось —
Коснувшись, лепестку,
Как слову, удалось
Перескочить строку

Судьбы. Но древки стрел
Твоих легки не столь,
И попаданье в цель
Сулит двойную боль.

Не меться, озорник,
Ни в сердце, ни в живот!
Заденет кожу шип —
До свадьбы заживёт!

О БЛОКЕ

А дым его богемы — да,
Его хватило за глаза
Ещё на поколенья два,
Он ум кружил и ел глаза.

Пожаром пахло молодое тело,
Которое внимания хотело,
Но выразить всей гаммы не могло,
И знало только «шашки наголо!»

И незнакомок сексуальная харизма
Была заманчивым объектом для туризма
Зрачков, а если повезёт, и рук...

Он огибал губами лёгкий круг,
И кольца дыма жертву огибали,
И хрупкие сердца от дыма погибали.

БЕЛАЯ НОЧЬ НА ФОНЕ ЭКСКАВАТОРА

С кем разделить любви подарок?
Рассвет, плывущий из-под арок?
Адама лучшее ребро?
Фонтанки рыбе серебро?

Гранит. Державный сумрак бел
Свечением небесных тел,
И движутся тела земные,
Стремя глаза в дела иные,
И экскаватор не у дел
Забыл заботы земляные.

Пиная пятками асфальт,
Настраивая слух на альт
Недосягаемого хора,
Теряя нити разговора,
Плывут, как облака, земляне,
Как некогда филистимляне,
Как в наше время человек —
Вчера — варяг, сегодня — грек.

Ковш экскаватора тугую тянет шею
В сияющих небес бездомную траншею,
Где звёздный ковш над ним, как бледный аноним
Над двойником-письмом, висит, незряч, незрим.

ЧУГУННЫЕ ГОЛОВЫ

Сорил, и жил, и рос.
Сорил деньгами, жил в столице, рос на воле.
Чего же боле, говорим, чего же боле?
Чего ещё он добивался от судьбы?
Но все мы липкого тщеславия рабы.

Ему мечтались подвиги и слава,
И вот — облеянье, облаянье, облава.
Сначала он «ату!», потом «ату!» его,
И из друзей вокруг не сыщешь никого.

Когда-то думал этот младоросс:
Мороз по коже — небольшой мороз,
Но вот пора морозная настала,
Жизнь в горле поперёк куриной костью встала,

Но через век — герой восторженной молвы,
И в парке городском — шар гордой головы.

Добился он того, чего хотел.
Как много в городе чугунных дел и тел!
Но и чугунные порою с постаментов
Слетают головы в разгар лихих моментов!

ПРОГУЛКА

Я жизнь дарю календарю,
Я вечность на часы меняю,
Всё реже веку изменяю,
Всё чаще будничным горю.

Я прохожу кривыми рю
Полубесстыжего Парижа,
Я зрю, как башен пассатижи
Кромсают рдяную зарю.

Я в эмпиреях не парю,
Но манят глаз эпох заплаты
На зданиях, чьи циферблаты
Скрывают шестерён возню,

Чьи маятники в маяте,
В темнице вечных оппозиций
Не успевают приземлиться,
Ни приобщиться высоте.

Так сердце на рассвете лет,
Летя навстречу дню и чуду,
Между мирами «да» и «нет»
Спешит нарушить амплитуду,

Так память между «был» и «буду»,
Блуждая по дорогам лет,
По вехам бед, обид, побед,
Туда за счастьем и оттуда
Идёт по следу, теряя след.

НОЧНАЯ РЕЧЬ

Когда человек превращается в сны,
Язык улетает из той страны,
Которую он называет собой,
И он разговаривает с той гурьбой,
Которая является ему во сне,
На языке, неведомом всей Москве,
На языке проводов и птиц,
На языке городов и лиц,
На картах и улицах не найти
Которых, но он не кричит «пусти»,
Но он не спешит вернуться в Москву,
В которой он спит, для него «наяву»
Теперь и «во сне» не разнятся тем,
Чем в жизни, в которой он глух и нем
К тому языку, на котором ночь
С ним речи ведёт и уводит прочь
От мира причинности и забот,
В котором сквозь полуоткрытый рот
Течёт по гортани беззвучная речь,
Которую он не сумеет сберечь,
Когда его вызовет в мир тревог
Прорвавшийся в сон телефонный звонок,
Сквозь судьбы, столетья, подушки, бельё
Он трубку поднимет и скажет «алё»
От речи родной и ночной вдалеке
На общем московском дневном языке.

ЧУРКА

Я чурку в звук ручья
бросаю —
босая
с косой
кричит «ничья!»
Я возмутил на миг
тревогу,
на миг
я Богу —
равновелик,

Но чья
всплывает чурка —
судьбы фигурка —
кругами лепеча,
восстав из плена
текучего,
и пенно
над оным отзвуча?

Плывёт
вперёд
согласно
незримой воле,
моей подвластна
теперь не боле-
е мотылька —

ожившего цветка,
который с воли
ворвавшись в водоём
из мира душ и яблок,
нашёл себе кораблик,
нашедший парус в нём.

НА КРАСНОМ ЖЕРЕБЦЕ

На красном жеребце гарцует осень,
Разбрасывая пачки индальгенций
Для глаз, прокуковавших в переносе
Природы на словесные коленца,

Горят шуршащим пламенем дороги,
Скрывая выбоины и неполадки,
В сухих кострах деревья греют ноги,
Их ветки превращаются в рогатки,

Выстреливающие в воздух зимостойких
Питомцев лакированного неба,
Чьи стайки вновь уютятся в новостройках,
Где зрелищ больше, чем вина и хлеба.

Где полнит страсть ночные промежутки,
Деля себя меж ангелом и бесом,
Где к ближнему вожди и проститутки
Пылают нездоровым интересом.

И осень вертит времени педали,
И нетопырь ласкает нетопырку,
И листья — воспалённое миндалин,
Но ни один не сделан под копирку.

И каждый куст — податель тайной вести,
И каждый лист — свидетель Иеговы,
И каждый на своём уместен месте,
И даже фиговому не столь фигово.

Играть бы так словами, как листьями
Зюйд-вест играет, выкликая имя
Той, что, касаясь сердцем и перстами
Горячих красок, их зовёт своими.

Где слово несказанное, простое,
Вертявое, как колесо фортуны?
Пусть заполняет вещество густое
Гранёные стаканы и лакуны.

Прорвёшься в речь, и — дух перехватило,
Так синевой захлёбывается чайка,
В полёте тело превратив в светило,
И кто нам скажет, где припой, где пайка.

Наладчик мировой архитектуры,
Спаяв объекты, утаил контакты,
Но на границе тары и халтуры
Находится прекрасное, не так ли?

В природе вечная война
Идёт, эксцессами вольна,
На спины прыгая упруго,
Животные грызут друг друга,
Народы пламенной гурьбой
Спешат на братский мордобой,
Берёзе клён, махая лапой,
Ей корни душит тихой сапой,
Неумолимый словно фриц,
Комар втыкает в кожу шприц,
И даже мизерная муха
До крови льва кусает в ухо.

В природе вечная любовь
Идёт, тасуя плоть и кровь,
Сводя и разводя колени
В круговороте поколений.
Плывут задумчивые птицы,
Вытягивая в профиль лица,
Самцов абстрактная мазня
Сверкает, слабый пол блазня.
Страсть учит рыб с ней быть на ты,
Им очи кроет поволокой,
Страсть раздувает животы
Кому икрой, кому молокой.
Капустниц лёгкая гурьба
Резвится в летних платяцах,
У них весенняя гульба,
Они потом расплатятся.

Широкоглазы и стройны
Стрекозы в пачках газовых,
Играют небеса страны
В их взглядах многофазовых,
Их опыт жизненный не прост,
Держа засохшей веткой хвост,
Готовят мошкам холокост,
Волненья не выказывая.
И вдруг стремглав на них войной
Летят во всеоружии,
А после, хвост раздув двойной
И дымчатое кружево,
Друг друга любят налету,
Полётом славя высоту,
Хвостов упругих наготу
Друг другу обнаруживая.

А мы, природные лгуны,
Самих себя не радуя,
В пути Творца погружены,
И на Него досадуя,
На поле страсти и войны
Глядим, борьбой поражены,
Страшась свободы и вины,
Их тайный смысл угадывая.

ТРЕТИЙ — ЛИШНИЙ

Болтают тополя с дождём;
Улики влажных междометий
Подслушивает кто-то третий,
Не отягчённый багажом
Гнезда, пророчества, реки,
Под ветром серебристой рыбой
Прикинувшейся, маяки
Раскачивая тёмной глыбой
Спины, купая плавники
В блестящей мелочи, как ты бы
Перебирал слова, пока
Найдётся нужное в подарке
Того, кто с неба облака
Послал плясать дождём под арки,
Под статуи, под фонари,
Чьи нимбы отражая, лужи
Соединяют изнутри
Идущий свет с огнём снаружи.

Над рыбьей чешуёй реки,
Забравшись в свой прозрачный кокон,
Старухи зыркают из окон,
И трут суставы старики.

О чём беседуют с дождём
Деревья, зябнувшие в парке?
Что слышит ветер в хриплом карке
Ворон, не лёгких на подъём
Во время ливня? — Контрамарки
Всем розданы, и кто не глух,
Услышит, как волна у барки
Лепечет, нить в руках у парки
Скользит, и третий-лишний в парке
Сознание превращает в слух.

АМУР И АГАПЕ

Амур, о вор ума!
Ты человека превращаешь в тело,
А тело без ума — вулкан,
В котором всё внутри клокочет
И вырваться наружу хочет,
Всё в нём химичит и хохочет,
В вулкане тешится Вулкан —
Стреляет в воздух пепла облаками
И в небо тычет каменными кулаками.
Всё ходит ходуном внутри.
Как в цифре восемь цифра три,
Он заперт до поры до времени,
Но разрешится он от бремени,
Он лавой истечёт, и мир вокруг — пустыня,
И он уже не тот, горячим телом стыня.
От головы отхлынет кровь,
И тихая Агапе снова
Вернувшимся умом руководит.
Амур сидит, сердит,
Задумавшись сурово.

Ало колокол около колокола
Звоном полнится — ало, красно, малиново,
Но теперь его звуки так мало кого
Манят, как в вагонные оные годы манили

Её, направо и налево дарившую
Сорок сороков — по улочке, по кирпичику —
Иноверцу, сопернице по перу, челобитчику,
Сослуживцу, дочке, театральному личику,
Подруге, просто первому встречному

Боль оттаивала,
Пролетали стихи журавлиным клином
Мимо бьющего колокола, и звали цвета его,
Гулкой речью дразнили, называли по имени.

НОРОВ

О. пара, где норов, как ворон Эдгара По
У каждого, и поэтому nevermore*
Из радужной дужки смотрится, и прошедшее то
Синицей в руке прикинется, то в пальто

Сегодняшнем на свидание прибежит,
И слово вчерашнее на губах дрожит,
Но это же слово глотается на бегу,
Как жалкая мова из «поздно» и «не могу»,

И каждого норов ведёт наугад к гульбе,
И каждый закрыт и рогат, словно вещь в себе,
И каждый, как поезд предместья, идущий в своё депо,
Дурные каркает вести, как ворон Эдгара По.

*Никогда

ХУТОРЯНКИ И КОНИ

Конь, я роту хуторянок
На закате приведу —
Выбирай из них любянок
Хоть в наездницы, хоть так,
Чтобы вечером не скучно
Было время коротать,
И косить овальным глазом
На пугливую ладонь.

Коль наездница — согреет
Спину девичьим теплом,
Коль проказница — погладит
Ноздри ласковым бедром.
Конь, любую хуторянку
На закате выбирай —
Хоть скачи её по полю,
Ветром задирай подол,
Хоть ласкай колени гривой
Хоть засматривай в глаза —
Гладки белые колени,
Жарки конские глаза.

На рассвете девок много,
На закате ни одной,
Девки кони разобрали —
Мчат и время коротать.
Ох, охочи хуторянки до хохочущих коней!
У него бока крутые и молочные у ней.

ЛАРЬ

Спиралевиден фасон хвоста пса,
От чистых кровей нет и следа —
Дворняга беспородная, но как чиста
Улыбка беспардонная у складок рта.

Кобель, следопыт — тот бы с места в карьер,
А этому карьеры ни нюх, ни пах
Не сладит, одно слово — двортерьер,
Куда ему в гончие — вертопрах.

А впрочем, где тут разница — всё Божья тварь,
Что тот, что этот, куда ни кинь — клин.
Вынь да положь, жизнь — бездонный ларь,
Собачья, человечья — положь да вынь.

Сверхэталонем белизны
Считают млеко лани горцы,
Но то, что вижу я, кагорцы,
Вы б видеф, потеряли сны.

АРЛЕКИН КОЛОМБИНЕ

О, Коломбина! Лани б молоко
Белее мела,
Белее нового трико,
Что ты надела,
Соперничая с белизной
Твоих объятий,
Преодолевших страсти зной
И бремя платий,
Должно в сравненьи каждый раз
Терпеть фиаско,
Но залила межгрудный паз
Смушенья краска,
И кожа белоснежных щёк
Цветёт, как роза,
Такая там под ней идёт
Метаморфоза.

ВИАДУК

Куда Иван? — На виадук,
Где песни изначальных дуг
Слышны, где мысли не нужны,
Где месяц свой клинок в ножны
Влагает рваных облаков —
Сверкнул, нырнул, и был таков.
Там виден по ночам салют,
Когда звезда с звездой сольют
Друг другом отражённый свет,
Там жители чужих планет
Катаются на челноках,
И зрители на чердаках
Всех стран возводят к небу взор,
И слово жесткое «позор»
Дано всем, слившимся в луче,
Лишь в чешском воспринять ключе.
Там пеленги прекрасных глаз
Пересекались, и не раз
Туда, где яркая дуга
Звенит, покорный ваш слуга
Зрачок нацеливал и ждал
Ответа, близкий свет мигал
Планет далёких, но в ответ
Не говорил ни да, ни нет,
Точь-в-точь как не сказали Вы
Ивану у камней Невы
Того, что он хотел узнать,
И Вашим именем назвать.
И вот Иван на виадук

Идёт, услышать песни дуг,
И через толщу лет и вёрст
Прочесть тугую Морзе звёзд,
И разгадать и Вас и нас,
И тайну слов, и тайну глаз,
И вычислить сквозь ход планет
На тот вопрос прямой ответ,
Который миллионы лет
Земляне небу задают,
С которым плачут и поют,
Ловя зрачками звезд салют,
Пока надежды бледный свет
В их лицах не сойдёт на нет.

И мак ещё щеками ярок,
Мак нежен к неженкам, коря
За легкомысленный подарок,
За май в начале сентября.

А роза, неженка зари,
Алея лбом, а изнутри
Белея гладким перламутром,
Зулейкою — ханум полей,
Глядится в зеркало аллей:
«Я ль всех румяней и белей?»
Не зная, что с ней станет утром.

Пчела поводит бархатным плечом,
Обнову зорко выбирая,
Многозеркальна мысль её, причём
Своих причин не разбирая,

Ум изворотлив, как в бутоне лепесток,
Губам подобен очертаньем,
В эфирное ничто оранжевый мосток,
И даровита дарованьем,

Смесь неслучайная нектара и дождя,
Ожившая в цветной мензурке,
Весь хоровод причин и следствий низводя,
К простой мазурке —

Она всё ведает, не зная ничего,
Панбархатная и нагая,
И трудится плечо, и жало, и чело,
К душе дорогу пролагая...

ДОГОНИ ВИНО!

О, догони вино, Годо,
Летающее внутри и вне
Событий, возгласов, годов,
И окрылённое вдвойне

От старта в капиллярах глаз
До выхода на виражи
Сознания — этаж, этаж —
И подсознание (скажи:

До-знание) откроет люк,
И мысль, влекома за вином,
Сальто-мортальный этот трюк
Свершит — за Глюком, за руном,

За Нефертити, за Ягой,
Сквозь бездну бытия — в полёт,
В такой-то миф, в такой-то бой,
В любой тобой забытый год,

Быстрее, чем Святослав мечом,
Решит, свершив на мысль набег,
Что движет звезды, и о чём
Звенит кузнечик-печенег.

О, догони вино, Годо!
О, озари шальную мысль!
Но знаю наперед — слабó!
Одумайся! Остановись!

Нет смысла к скорости взывать
Твоей, медлительность винить
Твою, Тебя дано лишь ждать,
Вино же можно пить и пить,

И длить! На финишной прямой,
Уже весь слух и бог, Годо,
Пойму: ты только отблеск мой,
А я и вне, и от, и до.

ПУШКИН

Пушкин — рыбка золотая,
Сеть над рыбкою — Дантес,
Рыбка, в сети попадая,
Ощущает смерти вес.

Видит фуксы, видит флоксы,
Горы, взоры резеды,
Отмечает парадоксы:
Воздух тяжелей воды,

Свита не коварней света,
Книгочей всегда ничей,
Слово легче пистолета,
Тело пули горячей.

Зыбка — Пушкин, рыбка — Пушкин,
Мене, текел, упарсин,
Лучших слов прилежный Плюшкин,
Пушкин — Плюшкин, сукин сын.

С кем трепался, с кем стрелялся,
С кем шутил, кого родил,
То ль на удочку попался,
То ли в сети угодил.

Пушкин, рыбка золотая!
«Да-с, дала-с, Данзас, Дантес...»
Рыбка, небом пролетая,
К нам теряет интерес.

ЮЛА

Юла, дури мир удалью, пока
Мечта близка, и юбка коротка,
Пока под кожей лани молоко,
И тело не барокко — рококо!

Блестящая и гладкая, юли
Всем тем, что время превратит в нули,
Когда внезапно кончится завод,
И молодость назад не позовёт.

О, заводная, о, шальная — вжж-и-!
Собой проходим головы кружи,
Пускай им пыль в глаза и за глаза,
Вакханочка, коханка, стрекоза!

В зрочки бросайся радугой надежд,
Нарядными гирляндами одежд
Ряби в глазах, ласкайся, обольщай,
Играй, давайся в руки, обещаи!

О, востроглазка, вертихвостка, зга!
Пускай брюзжит брюзга, и мелюзга
Тебя менять спешит на свой манер,
Не поддавайся, беженка, пленер!

Вертись вокруг оси во весь опор,
Покуда пол — прочнейшей из опор
Воспринимается, и виражи
Не повергают в обморок, кружи,

Мазурка, зорька, музыка зари,
Прекрасная снаружи и внутри,
Своди с ума сердца и зеркала,
Круженья плен и пленница, юла!

ДАР

К майской туче Тютчев чутче
Ласточкиного крыла,
Он умел о громе лучше,
Чётче, чем она сама.

Вседержатель слова даром
Не изволил одарить —
Может грома лишь ударом
Туча с миром говорить.

В землю мечет молний стрелы ,
Робких птиц пускает влёт,
Надувает щёки белы,
Ливнем бьёт и слёзы льёт,

Кто, казалось, мог бы чутче
О самой себе навзрыд?
Так вот нет же — Тютчев лучше,
Тютчев чутче говорит!

ПТИЦ ЯЗЫК

Птиц язык — язык заик,
Он прекрасен и понятен,
Он пестрей небесных пятен,
Мозаичней мозаик.

Птиц язык — язык заик,
Он летит над летним бором,
Занимая разговором
Тех, кто мал, и кто велик,

Рыбам — влага и плавник,
Паркам — ливень и садовник,
Девам — муж или любовник,
Птицам дан язык заик.

Птиц язык — язык заик,
В нем коленца, кольца, трели,
Всех оттенков акварели,
Отголоски всех музЫк,

Птиц язык — язык заик,
Он влюблённых страж и сводник,
Христарадник, греховодник,
Хороводник, озорник,

Дан поэту — черновик,
Дан художнику — этюдник,
Дан бесстыднику — со-блудник,
Птице дан — язык заик,

Птице дан — язык заик,
Птичьей песне много ль надо?
Ей ни рая, ей ни ада,
Только воздуха на миг!

Нестандартному — ярлык,
Клык — волчице, львице — рык,
Лик — чернице, ну а птице,
Птице дан язык заик.

АМУРУ (2)

Не каждую стрелой ты в сердце бьёшь,
Поэтому, не каждый в мире — Вертер,
Но кто-то — вертел, кто-то просто ветрен,
А кто-то — ветер — что с него возьмёшь?

И хорошо, что чаще ложь, чем рок
То, что летит, а в руки не дается,
Ты метишь в сердце, ах! — и сердце бьётся,
Амур, ты в общем — аховый стрелок!

То недолёт стреле, то перелёт,
То — молоко, а то и вовсе мимо —
Глаза и губы улыбнутся мило —
Их миновал яд, выстрел, пруд, пролёт.

И хорошо. И небо голубей
Всех пиджаков, и листья — брюк желтее,
И вся любовь невинней, чем затея
Фарфоровых саксонских голубей.

Сердец пугливых пролетела стая,
Опущен лук, и сказано — живи!
Сентябрь. Ветрено. Я Вертера листаю,
И думаю о ветреной любви.

КОГДА В ПАРАДНОЙ ТАЕТ ЖЕНСКИЙ СМЕХ

Когда в парадной тает женский смех,
И ворон, сторож самому себе
Невольный, думает, что держит в пальцах провод,
И мирный, ртутной бусиной сверкает
На потемневший свет, летящий снег
На памятники одевает шапки
И рукавицы и глаза слепит
Всем ждущим и идущим и грядущим
Внутри идущих. Ворон сторожит
Квартал и парк, Россию и разлуку,
Или они его? И чёрный провод,
Собою заменяя горизонт,
Качает ворона и парк и крыши
И зажигает лампочки в парадных
И свет в глазах. Иль это горизонт,
Оживший, натянул себя упруго
На изоляторы столбов и в стены
Проник? Неважно! Ворон на ветру,
И фонари, и памятники в шапках,
И крыши образуют новый мир
Неповторимый, грустный и крылатый,
Как время, как метель, как женский смех.

ЖУКОВСКИЙ ШИЛЛЕРА ПРОЧТЁТ

Жуковский Шиллера прочтёт,
Глаза поднимет к облакам
И поневоле попадёт
В неволю к ласковым рукам.

Что было век тому назад
Настанет век тому вперёд,
Стремительная стрекоза
Такой свободы не поймёт.

На старом кладбище гулять
Вдвоём не страшно и легко,
Когда заветные слова
Никем не сказаны ещё.

Сорви ромашку и гадай
О воскресенье, о мечте,
Распутай даты и года,
Где были мы, где были те.

Их мраморные имена
Уносит ветер с наших губ,
Их знала только тишина,
Теперь они у нас в долгу.

Бумажных роз букет пышней,
Но слаще запах роз живых,
В них розовая кровь слышней
Когда-то юных и нагих.

Спасибо им, что мы живём,
Не думая о них всерьёз,
Спасибо им, что не умрём,
За мир спасибо, за стрекоз.

За то, что между их зеркал
Синёй просветы синевы,
За их укол, за их накал,
Которым светимся и мы.

Жуковский Шиллера прочтёт,
Переведет, посмотрит вслед,
Так много взгляд имён пройдёт,
Так много дат, так много лет.

Прозрачен мир, легка ладонь.
Жуковский, Шиллер — всё равно.
Я — свет и слово, и огонь,
И воскресенье, и окно.

ГЕОМЕТРИЯ ЛЮБВИ

Марине

Лес танцует до упаду, — а где он, упад?
Ветер в тёплой тополиной причёске шуршит,
Твоё имя произносит совсем невпопад,
Красным пламенем о чьей-то судьбе ворожит;

Треугольники врезает в горизонт гора,
В небе чертит Бог невидимым циркулем круг.
Геометрия пространства точней пера —
Ничего здесь не бывает проста и вдруг.

Даже зеркало морское верней штриха
Знаменитого художника — кривит во всём,
Но последовательно, значит, и нет греха
Там, где царствует масштаб, глазомер, объём.

И природа вокруг — не простой хаос:
В ней гармония и форма нашли предел
В симметрии лепестков, в перехлёстах лоз,
В сером кружеве стрекоз, в тесноте их тел,

Их, и наших, и любых. Только разум-гость
Иногда толкует чувства и вкось и вкривь,
Геометрия надежды — обум, авось,
Геометрия обиды — предел, надрыв.

Геометрия открытий подстать слезам,
Что являются испытанным чувствам вслед,
Крикнуть «эврика» сложнее, чем сказать «сезам» —
Вдохновенье не следит за теченьем лет.

Всё ж мы лучше, чем природа, — она без глаз
И без слёз. И даже если и без войны
И без страха смерти — без слов, без фраз
И без дара жалости и вины.

Опрокинет ночь на землю чернил ушат,
И сольётся ландшафт с ветровым стеклом.
Это звёзды в глазах или серьги в ушах?
Это ветер или ангел шелестит крылом?

Что деревьям твоё имя, луне — лицо,
Ветру — живость глаз, траве — твоей тени след? —
Как для времени внутри деревца кольцо,
В лучшем случае, лишь мера отсчета лет.

Мне же именем твоим называть слова
Еле слышные, что ветер, оставив лес,
Словно пену с волн, с моих губ срыва —
Геометрия стыда — ватерпас, отвес.

Мне же именем твоим называть висок,
Мышек розовые макушки, млечность рук,
Полуостров лона, волны груди, сосок,
Геометрия любви — треугольник, круг.

Твоим именем морским утолять уста,
Отнимать у ветра, славить на все лады.
Геометрия желания — полёт листа,
Только ветру и забот — заметать следы.

БУТОН ГОЛОВЫ

В часы одиночества расцветает бутон головы.
Медленно раскрываются гладкие лепестки,
Обнажая хрупкую бело-розовую изнанку,
Капли росы отражают многоликий мир,
Тычинки начинают с пестиком любовные игры,
Комната наполняется ароматом творчества,
И музы слетаются собирать сладкий нектар поэзии.

Тишину нарушает телефонный звонок:
«Я забыла выключить свет в уборной», —
Доносится взволнованный голос жены.
Бутон закрывается.
В зеркале туалета появляется
Нормальная круглая голова.
Потом и она исчезает.

ИНТЕРВЬЮ С ПТИЦЕЙ ФЕНИКС

— Уважаемая птица Феникс,
Расскажите нашим телезрителям,
Как вам удаётся
Возродиться из пепла?

— О, это очень просто.
Сначала нужно сгореть дотла.

— Как, совсем?

— Да, совсем.

Чтобы не осталось
Никаких угольков,
Ни, тем более, головешек,
Лишь ровный, мягкий
Серо-сизый пепел.

— А потом?

— А потом нужно сосредоточиться
На одной мысли.

— На какой?

— На мысли о возрождении.

— А дальше?

— А дальше нужно преодолеть
Свою косность.

— Птица Феникс,
Пожалуйста,
Расскажите подробнее
Как вы это делаете?

— Сначала я сосредоточиваюсь
На мысли о возрождении,
Потом нечеловеческим усилием воли
Преодолеваю свою косность
И возрождаюсь.

- Но как преодолеть свою косность?
- Нечеловеческим усилием воли.
- Где взять это нечеловеческое усилие?
- Сосредоточиться на мысли о возрождении.
- Как на ней сосредоточиться?
- Сначала нужно сгореть дотла.
- Без головешек?
- Без головешек.
- А потом?
- А потом возродиться из пепла.

Содержание

«О Михаиле Крепсе» Александр Кушнер	5
Язык дождя	8
Писатель, 1956	10
Пасха в богадельне	11
Камин в январе	13
Стихотворение в голубых джинсах	16
Осенний речитатив	17
Наши имена	19
Золотой сезон	20
Глядящие города	21
Пчела	22
Траектория	23
Деревенский колодец	24
Зимний речитатив	25
Овал	28
Медуза	29
Бабочка и самолёт	30
Чёрно-белый январь	31
Silentium	32
Зимний пейзаж без старого друга	33
На любых пальцах	35
Скворечник	36
Кузнечик	38
Возвращение	39
Антракт	40

Память о лебедь	41
Ночь	42
Птичка.....	44
Шерри-бренди.....	45
Левенгуки.....	50
Ты в платье из июльского дождя	51
По времени прошедшему блуждать	53
Мечты пролетают как облака.....	54
Летний речитатив.....	55
Глоток зимы.....	58
Антракт (2).....	61
День.....	64
Потеря принадлежности.....	66
Одуванчик	68
Твари моря.....	69
Осенняя музыка	71
Чертополох	73
Город в Новый год	74
Когда в пустых ночных квартирах	75
О, ненароком око ранено	76
Ты по узору розы, опыт	78
Нежен сад, да снежен	79
Вены	80
А мишура ненарушима	82
Мокреть. Европа. Капор. Ветерком	83
Над Невою Овен дан	84

Зал говору суровоглаз.....	85
Хемницер — бархата храбрец, ин мех.....	86
Соты.....	87
Амуру (1).....	88
О Блоке.....	89
Белая ночь на фоне экватора.....	90
Чугунные головы.....	91
Прогулка.....	92
Ночная речь.....	93
Чурка.....	94
На красном жеребце.....	96
В природе вечная война.....	98
Третий — лишний.....	100
Амур и Агапе.....	102
Ало колокол около колокола.....	103
Норов.....	104
Хуторянки и кони.....	105
Ларь.....	106
Сверхэталоном белизны.....	107
Арлекин Коломбине.....	108
Виадук.....	109
И мак ещё щеками ярк.....	111
Пчела поводит бархатным плечом.....	112
Догони вино!.....	113
Пушкин.....	115
Юла.....	116

Дар	118
Птиц язык	119
Амуру (2).....	121
Когда в парадной тает женский смех	122
Жуковский Шиллера прочтёт	123
Геометрия любви.....	125
Бутон головы.....	127
Интервью с птицей Феникс.....	128

